

Мотивация к труду в учреждениях связи России во второй половине XIX - начале XX вв.

В предыдущей публикации мы рассказали о сложных условиях, в которых работали российские связисты в период ранней индустриализации. Также было отмечено, что несмотря на тяжелые условия труда, текучести кадров в почтово-телеграфном ведомстве России не наблюдалось. Более того, связисты начала прошлого века представляли своеобразную профессиональную корпорацию, и до первой русской революции оставались лояльными по отношению к властям.

Чтобы объяснить определенные противоречия между тяжелыми условиями труда и стабильностью основных кадров в отрасли связи, необходимо рассмотреть некоторые факторы трудовой мотивации в почтово-телеграфном ведомстве России. По мнению современных исследователей, мотивацию к труду формируют три главных фактора. Прежде всего вознаграждение (оплата труда, косвенные заработки, а также латентные (нелегальные) способы присвоения благ за счет служебного места).

Вторым фактором выступает побуждение (гордость за высокие результаты своего труда, патриотизм по отношению к своей профессии, корпоративная культура, желание общественного признания и др.). Третьим будет принуждение (профессиональные дисциплинарные наказания и уголовные санкции за правонарушения на рабочем месте).

В учреждениях связи действовали все три фактора мотивации. Их сложное переплетение создало своеобразную архитектуру трудовых отношений в почтово-телеграфном ведомстве, которая заметно отличалась от мотивации труда рабочих, педагогов, врачей, военных и чиновников других министерств. Специфика, на наш взгляд, заключалась в меньшем влиянии вознаградительных, и значительном весе побудительных факторов.

Заработок по основному месту службы являлся основой материального достатка связистов. Прямые заработки в учреждениях связи России формировались из оплаты по официальным ставкам ведомства, а также из квартирных и столовых выплат, денежных надбавок за работу на сложных аппаратах, знания иностранных языков (умение вести прием - передачу иностранной корреспонденции). К косвенным мы относим так называемые "наградные деньги." Это были небольшие премии, размер которых определялся начальником учреждения связи, а также выплаты из касс взаимопомощи и чаевые, которые получали почтальоны и рассыльные.

Размеры официальных ставок между различными профессиями в ведомстве постепенно нивелировались, при этом, на протяжении всей второй половины XIX в., наблюдалось снижение реальной зарплаты. В конце 50 - начале 60-х гг. до сер. 80-х гг. XIX в. ставки на телеграфах и почтах оставались несопоставимыми. В это время на телеграфах служили офицеры телеграфного корпуса. В 1862 г. зарплаты их были весьма большими: начальник телеграфа уральских городов получал 1,5 тыс. руб., старший механик - 900 руб., телеграфисты от 120 до 300 руб. в год в зависимости от стажа службы. Разносчики телеграмм, сторожа получали по 96 руб. в год. Жалование почтовых чиновников, оставалось в 3 раза ниже, чем работников телеграфов.

По подсчетам историка Г.Н. Вульфсона, прожиточный минимум для семьи чиновника на Урале в это время составлял 500 руб. в год, а комфортный уровень потребления требовал доходов в 1,5 тыс. руб. Такую зарплату получали только высшие руководители горной промышленности края. Годовое жалование инженера составляло 500-1200 руб. в зависимости от должности. Иными словами, жалование телеграфистов было достаточным для нормального существования, а их общественное положение - устойчивым. Социальное и материальное положение почтовых служащих оставалось на более низком уровне, и они с завистью смотрели на телеграфистов. Реформа почт и телеграфов в середине 80-х гг. XIX в. изменила общественное положение и заработки связистов: объединение почт и телеграфов в одни учреждения связи, способствовало объединению двух отрядов связистов, выравниванию их общественного и, главное, материального статуса. Элементы вознаградительных и побудительных факторов у почтовых служащих стали работать более отчетливо. В ходе реформы были утверждены новые ставки должностных окладов служащих почтово-телеграфного ведомства, которые не менялись вплоть до 1908 г. В 1886 г. прямой заработок почтово-телеграфных служащих определялся должностью и ставкой ведомственного оклада: чиновник VI (самого низшего разряда) получал 390 руб. в год, чиновники высших - I и II разрядов, от 1000 до 1300 руб. Вместе с тем, в ведомстве действовали и тенденции, снижающие эффект прямых заработков, как экономических стимулов к труду. Удельный вес тех или иных категорий чиновников строго лимитировался сверху и зависел от финансовых возможностей ГУПТ. Служащие почт и телеграфов годами ждали перевода из одного разряда в другой. В начале XX в., 75% чиновников почтово-телеграфного ведомства имели VI-IV разряды, 15% - третий, 7% - второй, и только 3% работавших в ведомстве - первый. Иными словами, три четверти чиновников ведомства в начале XX в. получали до 400 - 450 руб. в год, что было заметно меньше, чем прежде. По этому поводу в учреждениях связи ходило много анекдотов. В одном из них, связист спрашивает другого.

- Почему ты сегодня франт?

- У меня юбилей, - отвечает первый. - 25 лет в V разряде.

Для сравнения укажем, что зарплата технической интеллигенции, медиков и педагогов за вторую половину XIX в. выросла в два и более раза. В начале XX в. материальное положение этих категорий государственных служащих заметно превысило достаток связистов, зарплата которых ненамного отличалась от заработков рабочих. Эта тенденция отчетливо проявилась в учреждениях связи Урала. Так, заработок рабочего горной промышленности Урала в это время составлял 175-200 руб. в год (на казенных военных заводах – 280-285 руб.). Зарплата квалифицированного педагога уральских гимназий – 900 руб., а тех, кто работал в губернских гимназиях и имел стаж – до 1,5 тыс. руб. Врачи на государственной службе получали в городах до 2-3 тыс. руб. в год. Инженеры – до 3 тыс., а обер-офицеры тыловых гарнизонов – от 840 руб. (подпоручик), до 1150 руб. (штабс-капитан), и выше. Для полноты картины, приведем заработки еще одной социальной группы уральцев: фельдшера городских больниц имели годовой доход в 600-840 руб. в зависимости от стажа, учитель начальных школ – 360-436 руб., молодые техники на горно-металлургических предприятиях со стажем до 3 лет – 250-500 руб. Таким образом, отчетливо прослеживается тенденция девальвации прямых (экономических) стимулов вознаграждения на предприятиях связи на рубеже XIX-XX вв. Если в середине XIX в. заработок телеграфистов был сопоставим с доходом инженеров, офицеров, врачей, то в начале XX в. их имущественный ценз соотносился с фельдшерами городских больниц, педагогами начальных школ, фармацевтами.

Анализ материального положения связистов будет не полным, если мы не рассмотрим их косвенные заработки. У интеллигенции косвенные заработки оставались весьма существенными: учителя подрабатывали репетиторством или могли работать в нескольких учебных заведениях (их рабочий день был ненормированным). Врачи вели частную практику и консультации. Инженеры получали премии по итогам работы предприятия за год, имели бесплатное заводское жилье, прислугу. На заводах обычной практикой оставались и нелегальные формы получения дохода: махинации в сметах, сокрытие излишков и др. Чиновники брали взятки. Труд почтово-телеграфных служащих не оставлял времени для подработок. Почтальоны могли рассчитывать на чаевые, которые составляли один-два рубля в неделю. Почтовики имели определенные возможности для незаконных (латентных) приработков: разъездные чиновники, которые сопровождали почту в железнодорожных вагонах, использовали служебное положение в корыстных целях. Об этом писал один из анонимных авторов того времени. "Среда перевозчиков, - отметил он в своих воспоминаниях, - была совершенно иной, чем среда оседлых работников. Попав в железнодорожные агенты, я поразились их достатку: среди них было много домовладельцев и не было нужды, характерной для остальных почтово – телеграфных чиновников. Спекулянты составляли 75% служащих в разъездных бригадах. О крупных наживах ходили легенды. На одной партии кокаина из Читы можно было заработать годовое содержание. Везли золото, серебро в обмен на опиум. Бригады занимались не столько службой, сколько торговлей и обменом. У остальных категорий служащих ведомства возможности косвенных заработков не играли какой-либо существенной роли в трудовой мотивации".

Девальвация прямых экономических стимулов к труду в учреждениях связи заставила власть искать иные методы организации трудовых отношений. На рубеже веков были расширены побудительные стимулы. Эти мотивы выразились, прежде всего, в возможностях карьеры и чинопроизводства.

Почтово-телеграфное ведомство стало первым в России, где в 1859 г. государственная служба была открыта для лиц всех сословий (с 1864 г. – и женщинам). В учреждения связи пришли выходцы из мещан, разночинцев, семей мелких чиновников и др. В нижние служители поступали крестьяне. Мощным мотивационным стимулом для них стала возможность повысить свое общественное положение: стать чиновниками министерства внутренних дел. Таким образом, они получали возможность перейти в сословие "личных почетных граждан", а дослужившись до VIII классного чина, получить и личное дворянство. Кроме того, по выходу в отставку, им полагалась пенсия. Насколько сильным был этот побудительный мотив, говорит то, что даже в начале XX в. депутаты Госдумы, критикуя почтово-телеграфное ведомство, постоянно подчеркивали, что оно остается единственным в России, где могут служить люди, для которых поступление в другие ведомства по ряду причин были затруднены.

Социальный и имущественный статут чиновника почтово-телеграфного ведомства определялся 3 моментами: ведомственным разрядом, должностью, гражданским чинопроизводством (получение классного чина по табели о рангах за выслугу). Кроме того, все учреждения связи по доходам также делились на 6 классов. Перевод в контору более высокого класса так же служили серьезным побудительным мотивом для связиста. По многочисленным воспоминаниям, основные кадры штрейкбрехеров во время забастовки 1905 г. формировались из служащих "медвежьих углов" и сельских отделений. Им обещали не только премии, но и перевод на работу в крупные города и конторы более высокого класса.

Более того, в почтово-телеграфном ведомстве именно система гражданского чинопроизводства сглаживала острые противоречия между двумя категориями служащих – телеграфистами и почтовиками. В 1860 - 80 х гг. XIX в. первые относились к телеграфному департаменту, вторые - к почтовому. Это порождало предубеждение и недоверие между ними. В провинциальных городах

почтовики и телеграфисты, по сути, относились к двум разным мирам. Телеграфисты были образованы, знали иностранные языки, имели дело с передовой техникой, отличались от почтovieков манерами поведения, опрятной одеждой. "Наши почта и телеграф, - отмечалось в отчете ГУПит середины 1880-х гг., - два отдельных мира, находящихся во враждебных отношениях. Телеграфные чины сохраняют военную выправку, красиво одеты и опрятны. Они смотрят с презрением на почтовых служащих, грязных и менее оплачиваемых. Отношения между ними - редки. В уездной жизни телеграфисты принадлежат к местному обществу, почтовые - никогда". Объединение почт и телеграфов в 1886 г., введение единой системы разрядов и чинопроизводства - способствовало ликвидации различий между двумя категориями чиновников одного ведомства, и, в целом, служило серьезным мотивационным фактором труда в учреждениях связи. "Мы все одна семья, а дело наше дорого для всех сослуживцев", - тонко подметил моральный и побудительный эффект этой меры директор телеграфного департамента К.К. Людерс. Еще более наглядно система чинопочитания как побудительный принцип выступала у низших служащих. Из-за недостатка чиновников VI-V классов, в ведомстве практиковался перевод почтальонов, рассыльных, сторожей в чиновники почтовых отделений за выслугу. Стремление "выбиться в люди" у этой категории служащих было весьма сильным. Это отметили даже депутаты III Госдумы. Переход из низших служащих в чиновники был событием: новоявленный чиновник получал новое жалование, шил новую форму, мог командовать сослуживцами. Жены бывших почтальонов прекращали работать прислужкой или подрабатывать стиркой. Это не соответствовало новому статусу семьи. В начале XX в. система чинопроизводства держала кадры в учреждениях связи.

Факторы вознаграждения и побуждения в почтово-телеграфном ведомстве дополнялись разветвленной системой принуждения. В почтово-телеграфном ведомстве широко применялись различные формы дисциплинарной ответственности. Самым страшным наказанием считалось увольнение, а наиболее распространенной - т.н. «неденежные штрафы», (т.е. наложение за кокой-то проступок дополнительных рабочих часов, которые провинившийся чиновник должен был отработать на своем рабочем месте). Штрафы получали за самые мелкие проступки, например за то, что не отдал чести старшему по чину на улице, или явился на работу в обычном партикулярном платье, а не в форме. Так, в 1904 г. начальник Пермского округа Е. Пуш оштрафовал одного из чиновников почтового отделения при Пермском вокзале за то, что последний явился на работу не в форме. Приказ об этом, и напоминание о необходимости быть подобающе одетым был разослан по всем учреждениям связи округа. В дни праздников, когда наблюдался большой наплыв корреспонденции, начальство искусственно усиливало штрафные санкции, чтобы нагнать в контору больше людей. Как вспоминал телеграфист А. Саблин: "В дни праздников штрафы носили характер эпидемий и напоминали охоту рабовладельцев за неграми. Начальство раздавало взыскания направо и налево по любому поводу. Особенно злая охота шла за сильными работниками". Практически аналогичное описание действий начальства оставил и телеграфист Вятской почтово-телеграфной конторы В.Г. Плешков.

В условиях полувоенной системы МВД, дисциплинарный фактор, часто вырождались в самодурство руководителей. О мелочных придирках начальников Омского почтово-телеграфного округа Жаркова, Восточно-Сибирского округа - Хреновского и др., ходили легенды по всей Сибири. Даже опытные инженеры не выдерживали их оскорблений и переводились в другие места службы. Не отставали от них и многие начальники контор. Так, начальник Вятской конторы Трудолюбов заставлял почтальонов, опоздавших на службу, непрерывно дежурить ночные смены по 6 суток. Низшие служащие падали от усталости. Эти примеры можно продолжить. Начальник Ярославской конторы Александров в 1908 г. издал специальный приказ, запрещавший носить женщинам-телеграфисткам длинные платья (на службу женщины должны были являться в темных платьях и юбках, не доходящих до пола на один-два вершка, чтобы не поднимать лишней пыли). Виновные в невыполнении этого предписания подлежали дисциплинарным наказаниям за неповиновение. В этом приказе показателен менталитет руководства среднего звена: платье неуставного цвета и длины рассматривалось как факт неповиновения.

В противовес придиркам и жестким дисциплинарным штрафам, связисты противопоставили свои тактики сопротивления. По воспоминаниям многих телеграфистов, в "страшные дни" перед праздниками все подтягивались. Недели за две до них в аппаратных залах царил деловая атмосфера: все ходили в форме и в манишках, ответственно выполняли свои обязанности, были предупредительны с начальством. Это позволяло избежать расставленных сетей и "охоту рабовладельцев за неграми" не давала результатов. Более того, явные случаи самодурства становились достоянием общественности. Как бы не был слаб голос оппозиционной прессы в начале XX в., у чиновников оставались возможности анонимно описать произвол начальства в средствах массовой информации. Так, чиновники Омского почтово-телеграфного округа подловили начальника округа Жаркова на незначительных служебных проступках, и опубликовали статью об этом в местной либеральной прессе. В результате, "злой наокр" был переведен на другое место работы. "Юбочный циркуляр" вызвал такие насмешки общественности, что стал предметом разбирательства в Госдуме. Начальник Ярославской конторы получил должностное предупреждение. Такие случаи оставались единичными: в силовом министерстве было много средств повлиять на любые проявления недовольства своих подчиненных. Поэтому большинство связистов в это время придерживалось

тактики конформизма. Они предпочитали не ругаться с начальством, молча тянули службу, выполняли все распоряжения руководства. О конформизме и приспособлении чиновников в учреждениях связи также ходило немало анекдотов.

- Обрати внимание на того чиновника. Он никогда не кланяется! - говорит один связист другому.
- Так этот гордец совсем не способен к службе, - отвечает ему товарищ.

Наиболее массовый конформизм был там, где оставались возможности незаконного использования служебного положения и латентных заработков. Разъездные почтовые агенты делились прибылью с начальниками железнодорожных почтовых отделений, руководством контор и др. Эта спайка позволяла им получать прибыли, все молчали.

Итак, архитектура мотивов к труду в почтово-телеграфном ведомстве состояла из сложного взаимодействия экономических методов и дисциплинарных стимулов, взаимодействие которых определялось экономическими возможностями и историческими традициями управления. При этом, прослеживается тенденция – действие экономических стимулов во второй половине XIX – начале XX вв. постепенно нивелировалось, а побудительных и дисциплинарных возрастали. В целом, власти в это время смогли создать весьма эффективную систему стимулирования труда в отрасли связи. Это мы расцениваем, как серьезную и исторически значимую заслугу Российской государственности. Взаимодействие всех стимулов трудовой мотивации стало одной из ведущих предпосылок стабильного процесса передачи данных, его динамичного развития. Главное заключалось в том, что в отрасли удалось закрепить и готовить опытные кадры. Побудительные мотивы работали на воспитание особой значимости связистов в жизни российского общества, чувстве государственного долга. На наш взгляд, наиболее высокий уровень корпоративного духа и особой избранныости, царил в это время в армии, силовых структурах, российском студенчестве. В гражданских ведомствах – в отрасли связи и на железных дорогах.

Высокий удельный вес моральных стимулов в сочетании с полувоенной дисциплиной давали эффект в мирные периоды российской модернизации, но переставали работать в ходе революционных потрясений. Система высокой моральной значимости, которую прививала власть всем служащим почтово-телеграфного ведомства, позволяла связистам осознавать себя особым отрядом государственных служащих. Они выполняли не просто важную, но одну из ведущих общественных функций: через сеть связи общего пользования они обеспечивали единство государства, общества, пространства и времени. В результате, гражданская значимость и самооценка связистов в начале XX в. оказались весьма высокими. Отказ правительства летом-осенью 1905 г. выполнить их самые простые экономические требования, показал, что власть цинично не считалась с их гражданскими интересами, и не признавала их высокой корпоративной и общественной значимости. Это и вызвало бурю возмущения в их среде. Не случайно, в одном из обращений ЦК Почтово-телеграфного союза осенью 1905 г. прозвучала важная для понимания менталитета российских связистов, мысль: даже после октября 1905 г. правительство не признает в чиновнике гражданина. Высокий образовательный уровень, корпоративная организованность, побудительные и экономические мотивы к труду, пришли в противоречие с государственной практикой. Это и стало одной из причин Всероссийской стачки связистов в ноябре 1905 г.

1. РГИА, ф.446, оп.6, д.58, лл. 40,50-51.
2. Вульфсон Г.Н. Разночинное демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации. Казань. 1974. с122.
3. Дашкевич Л.А. Техническая интеллигенция горнозаводского Урала. XX в. Екатеринбург. 1997. с. 149.
4. Отчет начальника ГУПит за 1884-1887 гг. СПб. (б.г., б. выходных данных) с. 4.
5. Базилевич К.В. Работники связи в годы реакции. 1907 – 1916 гг. М., 1929. С. 16-17.
6. Почтово-телеграфная статистика за 1913 г., с кратким описанием деятельности почтово – телеграфного ведомства за тот же год.- Пг., 1917.с. XX, 10, 31.
7. Почтово – телеграфная жизнь в карикатурах.- Пг., 1917. с. 12.
8. Данные о зарплате населения и военнослужащих Урала в начале XX в. взяты по мат.: Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала 1914-1941 гг.(численность, состав, социальный облик).Екатеринбург, 2001.с.100; Андреева Т.Н. Социокультурный портрет уральской интеллигенции в начале XX в./Т.Н. Андреева. // Урал в контексте российской модернизации:./ сб. ст.- Челябинск, 2000. С.51, 55, 75; Дашкевич Л.А., Корсунова С.Я. Техническая интеллигенция Урала. XX в.Екатеринбург.1997, с. 155, 159; Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.:1993, с.347.
9. Старый почтовик. Воспоминания мелкого ПТ работника. // Пролетарий связи, 1925, № 19-20, с.19.
10. Почта и телеграф в XIX в. Исторический очерк МВД. Приложение II. -СПБ.: МВД,1902.с. 159
11. ГАРФ, ф.6871, оп.1, д.442,л.99.
12. См. воспоминания механика Екатеринбургской почтово – телеграфной конторы А. Байдакова, телеграфиста Пермской конторы И. Ершова и др. - ГАРФ, ф.6871, оп.1, д.258, л. 2-3, 11.
13. Отчет начальника ГУПит за 1884-1887 гг. СПб. (б.г., б. выходных данных) с. 4.
14. Почта и телеграф в XIX в. Исторический очерк МВД. Приложение II. СПб.,1902.- с.160.
15. ГАРФ, ф.6871, оп.1, д.442. л. 161

16. ГАПО. ф.110, оп.1, д.9, л.17.
17. Базилевич К.В. Очерки по истории профессионального движения работников связи в 1905 – 1906 гг.1925. с.31.
18. Архив Центрального музея связи (АЦМС). ф. телеграфный, оп.1., д.1248, л.8;
19. Старый почтовик. Воспоминания мелкого ПТ работника. // Пролетарий связи, 1925- № -19-20. с. 808
20. Лебедев В.Н. Участие работников связи в революционном движении России.1974. с. 18.
21. ГАРФ, ф.6871, оп.1, д.442. л. 84
22. Почтово – телеграфная жизнь в карикатурах. с. 5.